

Сюэсу долго и пытливо разглядывала Сы Вэя, словно пытаясь разгадать его мысли. Лицо её не выдавало ни веры, ни сомнения — она лишь лукаво и предвкушающе улыбнулась, точно у зрителя перед началом забавного представления.

— Что ж, — лениво протянула она, — я с удовольствием погляжу.

Сы Вэй прикинул в уме оставшееся время и повернулся к Минцзя:

— Сможешь написать для меня несколько иероглифов? Нужно посмотреть на твой почерк. Если всё получится, тебе придётся заранее привыкать не только к напольной кисти, но и к кое-чему ещё.

Минцзя, разумеется, согласилась.

На втором этаже Здания Музыкальной мастерской располагался класс, где девиц обучали поэзии и каллиграфии. Там всегда держали наготове тушь и бумагу, так что Минцзя сразу же отправилась туда.

С уходом Минцзя в просторном зале остались лишь Чуян, Сюэсу и её служанка. Сы Вэй перевёл взгляд на Сюэсу.

Танец Чуян он уже видел. То, как нескладно двигалась Минцзя, тоже не вызывало иллюзий — её хореография была откровенно слабой. Оставалась лишь Сюэсу, чьи способности пока оставались для него загадкой.

Поймав его взгляд, Сюэсу, не дожидаясь вопросов, тихонько рассмеялась:

— Ладно уж. Раз пришёл сегодня, так пока все наши выступления не перетряхнешь, не успокоишься.

Она неторопливо поднялась. Она развязала завязки на вороте, освобождая белоснежную кроличью накидку. Та мягко соскользнула с её плеч, задержавшись на сгибах локтей, после чего Сюэсу небрежным жестом откинула пушистое облако назад — прямо в руки служанки, преданной тенью стоявшей за её спиной.

Глиняный пол зала дышал холодом, но Сюэсу, казалось, не замечала этого. Сы Вэй внимательно следил за ней. Профессиональная привычка, выработанная годами прошлой жизни, заставляла его мгновенно подмечать ключевые черты любого человека, чтобы потом выгодно подчеркнуть их, сделав главным украшением кадра. Но Сюэсу не укладывалась в привычные рамки. В ней уживалось нечто глубоко противоречивое.

Когда её лицо оставалось бесстрастным, от неё веяло холодом и неприступностью. Она напоминала дикую розу, усыпанную острыми шипами. Если искать сравнение, она была

похожа на зимнюю картину: угрюмый замок, хозяин которого сидит у камина и сквозь огромное витражное окно наблюдает, как в саду под завывание ледяного ветра карабкается по железной ограде упрямый куст терновника. Ощетинившийся колючками среди снегов, он вопреки всему распускается бутонами, даря этому мёртвому сезону вспышку яркой, дерзкой жизни.

Но стоило ей улыбнуться, как это мимолётное наваждение рассеивалось без следа. Тонкие пряди волос, небрежно заправленные за уши, смягчали линию бровей. Она смотрела тёплым, искристым взглядом; её глаза были чуть более округлыми, чем у классической хищницы-лисицы. Тонко очерченный нос, чуть припухлые губы — всё в ней теперь дышало мягкостью и нежностью.

В её голосе всегда слышались капризные, ластящиеся нотки, обволакивающие слушателя, точно невидимые шёлковые нити. Низкий, чуть бархатистый тембр завораживал недосказанностью, а когда она устремляла на собеседника свой лукавый взор, устоять перед этим очарованием было решительно невозможно — разум туманился сам собой.

Но эта внутренняя двойственность бледнела перед тем, как Сюэсу преображалась на сцене. Сы Вэй устроился внизу, затаив дыхание. Сюэсу начала танец в абсолютной тишине, и само это безмолвие превратилось в её покорную декорацию.

Она двигалась подобно лесному духу, сотканшемуся из утреннего тумана. Взмахи её полупрозрачных рукавов казались игрой бесплотного существа с самой дымкой. Это было сольное выступление, но в каждом жесте читалось нечто большее — не танец развлечения, а священное таинство, древний обряд поклонения горам и рекам.

И даже когда верхние прозрачные накидки соскользнули на пол, оставив её в одной лишь юбке и лёгком шёлковом лифе, в её движениях не было ни тени пошлости или соблазна. Лишь первозданная чистота, благоговейная тишина и величие, заставляющие зрителя замереть в священном трепете.

Сы Вэй заворожённо следил за каждым её движением, полностью растворившись в этом зрелище. Но стоило танцу завершиться, как Сюэсу мгновенно растеряла всё величие. Она зябко поёжилась, задрожала всем телом и, стуча зубами, забавными прыжками кинулась со сцены к своей служанке:

— Быстрее, быстрее! Замёрзла, прямо насмерть замёрзла!..

Сы Вэй, чьё воображение всё ещё блуждало в туманных лесах священного танца, лишь безмолвно покачал головой.

Вернувшаяся со второго этажа Минцзя успела застать вторую половину танца. Бережно разложив на столе свитки, тушечницу и кисти, она печально вздохнула:

— Вот бы и мне научиться так танцевать...

Сюэсу тем временем жадно пила горячий чай. Только когда тепло разлилось по телу, она окончательно пришла в себя. Несмотря на то что в зале с самого утра жарко топились угли, зимняя стужа за окном давала о себе знать.

Услышав вздох подруги, Сюэсу искоса взглянула на неё и хрипловатым от горячей воды голосом заметила:

— Смотреть-то легко, только ты видишь, как пироги едят, а не как за них бьют.

Плотно укутавшись в меховую накидку, она опустилась в кресло. Дрожь улеглась, и к ней вернулась прежняя вальяжность. Сюэсу пригубила чай и с вызовом улыбнулась:

— Ну что, юный мастер? Найдёшь к чему придраться в моём танце?

Сы Вэй ответил ей ровным, бесстрастным тоном:

— Я здесь не для того, чтобы выискивать ошибки, госпожа Сюэсу. Моё дело — подготовить для вас сцену. Так что не стоит выпускать в мою сторону иголки.

Больше он ничего добавлять не стал. Сюэсу была зрелой, самодостаточной артисткой, и его вмешательство в её номер могло стать разве что лёгким штрихом, огранкой для уже готового алмаза. С Чуян хлопот тоже не предвиделось. Эта молчаливая девушка обладала на удивление чётким, устоявшимся стилем.

Её движения мало походили на традиционные средиземные танцы. В них угадывалась причудливая смесь того, что Сы Вэй назвал бы элементами танца живота, древних фресок Дуньхуана и индийской пластики. Экзотические, завлекающие мотивы Западного края, знойных пустынь и далёких южных царств.

Впрочем, во внешности Чуян действительно сквозила чужеземная кровь. Сы Вэй про себя усмехнулся: для местных жителей все чужестранцы были «варварами-ху». Кочевники из степей Северных земель — ху, торговцы из западных песков — тоже ху. И бледнолицые с лазурными глазами, и смуглые, как обожжённая глина, — все под одну гребёнку. Сам Сы Вэй при всём желании не смог бы определить, чья именно кровь течёт в её жилах, тем более что черты лица у Чуян оставались в основном утончённо-китайскими.

Важно было другое: мастерство Чуян не уступало искусству Сюэсу. Сы Вэй не брался судить, кто из них искуснее, но обе они держались на сцене великолепно. Чего нельзя было сказать о бедняжке Минцзя. Её неуклюжесть вызвала искреннюю тревогу. И теперь его главной заботой стало: как подтянуть эту робкую, обделённую талантом девочку до уровня признанных примадонн, чтобы на грядущем Празднике прогулочных лодок она не выглядела блеклой

тенью на их фоне.

К тому времени как Чуян закончила свою репетицию и спустилась в зал, Минцзя уже успела исписать ворох бумаги: здесь были и изящные стихи, и отрывки из классических од.

Пока Сы Вэй внимательно следил за танцем Чуян, любопытная Сюэсу успела заглянуть через плечо Минцзя. За это короткое время исписанные листы заняли уже несколько столов. Кивнув сошедшей со сцены Чуян и обменявшись с ней парой слов, он тоже подошёл взглянуть на каллиграфию.

Сам он мало что смыслил в тонкостях каллиграфии, но Сюэсу и Чуян, проводшие в стенах весёлого заведения не один год, неплохо разбирались в искусстве, антиквариате и драгоценностях. Профессия обязывала их поддерживать беседу с высокопоставленными гостями и угадывать их изысканные вкусы.

Сюэсу осторожно взяла за край ещё влажный лист и восхищённо цокнула языком:

— Послушай, Минцзя, а ведь у тебя настоящий талант! Если найти толкового человека и выставить эти свитки на рынке, ценители легко отдадут за каждый по серебряному ляну, а то и по два.

Одно-два ляна серебра — для простых людей деньги немалые. Однако Минцзя на эту похвалу лишь слабо, горько улыбнулась.

Сы Вэй взял другой лист. В этой жизни ему тоже довелось держать в руках кисть. Когда в семье ещё водились деньги, госпожа Ю настаивала на его обучении. Он прилежно тренировался, но без хороших прописей и наставлений великих мастеров лишь слепо копировал почерк матери. Со временем его буквы приобрели излишнее изящество. Как говорила сама госпожа Ю, его письму не хватало стержня — форма была красивой, но за ней не чувствовалось твёрдой руки. Опасаясь, что сын окончательно сойдёт с верного пути, мать со временем запретила ему подражать её манере.

Писать Сы Вэй умел, но до совершенства ему было далеко. Разглядывая искусные росчерки Минцзя, он понимал лишь одно — это бесконечно превосходит его собственные каракули.

— Неужели и вправду настолько хорошо? — с любопытством спросил он Сюэсу.

Сюэсу тихо, с сожалением вздохнула, явно сочувствуя неостребованному таланту подруги:

— Ещё бы не хорошо! — Видя, что юноша искренне не понимает, она разложила перед ним исписанные листы рисовой бумаги. — Гляди сам. Вот это — чжуаньшу, малая печать. В древности, при большой печати, знаки писали кто во что горазд, разобрать их было сущим мучением. Лишь с появлением малой печати всё пришло к единому порядку. Посмотри, какой

строгий, архаичный стиль, сколько в нём благородства. Здесь кисть держат строго перпендикулярно бумаге. Каждая черта выверена: горизонтالي идеально ровные, вертикали — прямые, как стрелы. Кончик кисти скрыт при начале и завершении мазка, толщина линий одинакова, а сами знаки тяготеют к округлым очертаниям, сочетая в себе мягкость круга и твёрдость квадрата.

Сы Вэй пригляделся, и он странно поморщился. Эти угловатые, но закруглённые знаки живо напомнили ему священные руны и защитные печати на воротах небесных чертогов из фантастических фильмов его прошлой жизни.

Сюэсу отложила первый лист и протянула ему следующие.

Сы Вэй бегло взглянул на них:

— Эти я знаю. Лишу, кайшу и синшу — официальный, уставной и полускоростной стили.

Сюэсу согласно кивнула и протянула последний свиток:

— А как тебе этот?

На бумаге вилась стремительная, неудержимая вязь, похожая на бег весеннего ручья. Сы Вэй вгляделся в хаотичные росчерки, но смог разобрать лишь пару знаков — этот почерк упрямо не желал поддаваться расшифровке. Сюэсу же без труда прочла написанное вслух, легко разгадав замысловатый узор кисти.

— Главная тайна скорописи — цаошу — в умении отсекай лишнее, сливая штрихи в единый, непрерывный поток, — наставительно произнесла она. — Ни один другой стиль не дарует мастеру такой свободы. Здесь правит бал чистый дух творца, его порыв. Правила ломаются, законы отступают, уступая место бесконечной игре воображения. Этот стиль презирает обыденность. Он рождён для того, чтобы крушить привычные рамки. Жаль только, что при таком великолепном почерке сами стихи полны робкого смятения. «Мирские дела утекают водой, вся жизнь — лишь зыбкий сон...» Минцзя, милая, нет в тебе настоящей дерзости, свободного полёта мысли.

Минцзя бережно омыла кисть в чаше с водой, повесила её сушиться на подставку и тихо отозвалась:

— Когда тело твоё заперто в клетке, откуда взяться свободе духа?

Сюэсу плотнее запахнула воротник и небрежно отложила лист со скорописью в сторону:

— Если клетка у тебя в голове, то весь мир покажется тюрьмой. Совсем ещё девчонка, а рассуждаешь как дряхлая старуха.

Она повернулась к столу и взяла согревшуюся пиалу с чаем, тихо вздохнув:

— В нашей жизни нужно сначала самой научиться смеяться над невзгодами. Только когда обретёшь лёгкость в сердце, те, кто рядом с тобой, тоже смогут вздохнуть свободно.

Минцзя лишь молча вздохнула. Сы Вэй тем временем взял оставленную кисть, придвинул чистый лист бумаги и принялся быстро набрасывать список вещей, необходимых для Праздника прогулочных лодок. Под его рукой быстро росла колонка слов: верёвки, ширмы, ламповое масло, лодки с мачтами...

— Минцзя, — позвал он.

Девушка вздрогнула, вырываясь из унылых мыслей, и подняла на него глаза.

— Боишься трудностей? — прямо спросил Сы Вэй.

Она решительно качнула головой.

— Хорошо, — кивнул он, заранее предостерегая её от лишних иллюзий. — Твои танцевальные навыки оставляют желать лучшего, а значит, нам придётся брать другим. Чтобы твоё выступление на Празднике прогулочных лодок вышло по-настоящему захватывающим, в ближайшие дни тебе придётся изрядно попотеть. И пострадать. В этот список я уже внёс мази от ушибов, заживляющие снадобья и притирки от растяжений — всё это понадобится лично тебе. Теперь взгляни сюда. Подумай, какие материалы нужны для изготовления той огромной напольной кисти, о которой я говорил, и сколько времени это займёт. Мне нужно поскорее передать заказ Чуньян.

Сюэсу с зажатой в руках пиалой замерла и удивлённо уставилась на Минцзя. Даже немногословная Чуян поджала губы и нахмурилась, предчувствуя неладное.

Минцзя, уловив перемену в настроении подруг, глубоко вздохнула:

— Три дня... Если эта напольная кисть действительно должна быть такой огромной, то на одну только подготовку конского волоса и сборку уйдёт не меньше трёх дней.

— Идёт, — Сы Вэй протянул ей кисть. — Пиши список всего необходимого. И учти: древко должно быть бамбуковым. Полость внутри сделает его легче, иначе ты её просто не поднимешь.

Минцзя заметно вздрогнула, сжимая кисть. Кажется, до неё начал доходить замысел юноши. Сжав зубы, она принялась быстро вписывать нужные материалы прямо под перечнем Сы Вэя.

Закончив, Сы Вэй передал свиток служанке Сюэсу и велел немедленно отнести его Фэн Чуньянь. Затем он обвёл взглядом собравшихся девушек и остановился на Минцзя:

— А теперь давайте подробно обсудим, как именно мы обустроим вашу сцену в день Праздника прогулочных лодок.

<http://bllate.org/book/18280/1768455>